

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ЖИЗНЬ ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ

В Советском Союзе высшей властью фактически всегда являлась власть партийная. Причем влияние ее проявлялось в том числе (едва ли не сильнее, чем где-бы то ни было) в духовной сфере. Тем не менее, именно здесь, несмотря на порой жестокие репрессии, существовал и некоторый противовес – православная церковь. Как известно, усилению ее позиций в стране способствовала Великая Отечественная война. Коснулся этот процесс и Свердловской области: если накануне войны здесь насчитывалось 25 действующих церквей, то в 1948 году – уже 33 с количеством духовенства 74 человека. И это при том, что абсолютное большинство соответствующих ходатайств об открытии приходов отклонялось властями – только в 1944–1947 годах их было подано 277 (ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.292. Л.184; Оп.64. Д.113. Л.30).

В дальнейшем число приходов в области постепенно сокращалось: на 1 января 1961 года в области было 30 церквей с количеством духовенства 67 человек (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.30).

Впрочем, на территории области функционировали и несколько других религиозных обществ. Так, в 1960 году это были:

- еврейское религиозное общество (г. Свердловск);
- религиозное общество старообрядцев белокриницкого согласия (с. Пристань Артинского р-на);
- религиозное общество старообрядцев-беспоповцев (г. Невьянск);
- общество старообрядцев-беспоповцев (г. Нижний Тагил, с. Лая);
- религиозное общество старообрядцев-беспоповцев (дер. Выньги Невьянского р-на);
- религиозное общество мусульман (г. Кушва);
- общество мусульман (дер. Н. Бугалыш Сажинского р-на).

Кроме того, в 23 городах и 14 районах области действовали 136 незарегистрированных групп десяти культовых наименований (мусульман, старообрядцев меннонитов, лютеран, иеговистов и других), охватывающих своим влиянием около 9 тыс. верующих, в том числе – более 6 тыс. мусульман и старообрядцев (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.2–7).

В СССР в исследуемый период действовала статья 124 Конституции, в которой провозглашалось, что «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами» [Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#2> (дата обращения: 30.11.2011)].

Именно на эту статью Конституции, как на доказательство свободы вероисповедания в нашей стране, традиционно ссылались представители власти, СМИ и различного рода пропагандисты и агитаторы. Но на самом деле

все было далеко не так честно и просто, как об этом говорилось в Основном законе государства. Дело в том, что, помимо Конституции, деятельность религиозных обществ регулировалась подзаконными актами, которые всячески осложняли деятельность церкви, а нередко и откровенно препятствовали ей. Некоторое ослабление воинствующей антирелигиозности советского государства произошло только в период Великой Отечественной войны, когда количество церквей стало даже увеличиваться. Так, 28 ноября 1943 года было утверждено Положение «О порядке открытия церквей», а 19 ноября 1944-го – «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (Википедия : свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 30.11.2011)).

В 1950-х–начале 1960-х годов власти принимали уже документы противоположной направленности. В январе 1960 года ЦК КПСС принял закрытое постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», а с марта 1961 года постановлением Совета Министров СССР открытие и закрытие церквей целиком передавалось на усмотрение областных исполкомов, которым также разрешалось ограничивать колокольный звон. Запрещалось совместное богослужение священников соседних церквей в дни праздников, участие детей и подростков в хорах певчих и церковных службах, не разрешалось строительство жилых домов для священников на средства общины, ограничивалось проведение крестных ходов, запрещалась благотворительность (Википедия : свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 30.11.2011)).

Вышеупомянутое постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 года было воспринято на местах как руководство к действию, о чем свидетельствуют рассекреченные архивные документы. В ЦДООСО нам удалось обнаружить чрезвычайно интересный документ – отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Свердловской области некоего Бирючева. Доклад датирован 6 февраля 1961 года и в первых же его строках говорится, что «В свете постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 года... произошла значительная перестройка работы уполномоченного. Прежде всего, была проведена большая разъяснительная работа среди духовенства путем многократных отдельных бесед с епископом, благочинными и настоятелями церквей» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.22).

Дальнейшее содержание документа дает полное представление о том, какими методами власти препятствовали деятельности церкви и какое пристальное внимание уделяли этому вопросу. Так уполномоченный пишет, что «В течение 1960 года состояние соблюдения духовенством законодательства о религиозных культах я проверял в 20 церковных приходах из 33 в области. О результатах проверки я информировал руководящих работников исполкомов районных и городских Советов, райкомов и горкомов КПСС, а также работников отдела пропаганды обкома КПСС» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.22). Какие же нарушения обнаружил уполномоченный? Вот они:

- 1) Выезды духовенства за пределы границ районов их деятельности – 11 случаев.
- 2) Незаконное приобретение религиозными общинами легковых автомашин на подставных лиц – 9 случаев.
- 3) Вовлечение учащихся в церковные хоры – 3 случая.
- 4) Превышение власти настоятелями церквей в управлении церковью, отстранение от управления церковью церковных исполнительных органов – 5 случаев.
- 5) Неразрешенная продажа гарного (лампадного) масла населению – 2 случая.
- 6) Служба двух священников в других церквях без разрешения уполномоченного – 2 случая.
- 7) Расширения здания молитвенного дома путем пристройки закрытой большой веранды – 1 случай.
- 8) Незаконная покупка и продажа двух жилых домов в 1960 году одной общиной.
- 9) Благотворительная деятельность – 2 случая.
- 10) Пострижение одним священником в монахини нескольких женщин (не менее 5 женщин).
- 11) Поддержание слабых приходов – 2 случая.
- 12) Подворные обходы священником в религиозные праздники – 2 случая.

В приведенном перечне «нарушений» смешано и духовное, и материальное, но это не затмевает главного – беспардонного вмешательства в деятельность церкви государства, которому мешала даже благотворительная деятельность церковных общин и пение детей в церковных хорах. Говоря о «принятых мерах» уполномоченный отметил, что за грубые нарушения законодательства 5 священников были им лично сняты с регистрации, а 7 других священников предупреждены о возможности применения к ним этой меры (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.23–24).

Весь доклад уполномоченного буквально пронизан открытой неприязнью к религии – чего стоит один пятый раздел под откровенным названием «О проведении мероприятий по ограничению деятельности церкви». В этом разделе Бирючев прямо заявляет, что «Проводятся мероприятия по ослаблению материальной базы церкви». Поэтому как о своем достижении он пишет, что «Все 9 легковых автомашин, незаконно приобретенных, у церковных общин изъяты и переданы в госфонд. В настоящее время во всей области ни у одной религиозной общины нет автомашин. Есть только одна автомашина у епископа» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.22, 34).

Итогом доклада можно считать следующий абзац: «В 1960 году совместно с Обкомом и Облисполкомом приняты меры по сокращению церковной сети. В конце 1960 года, после большой подготовительной работы, закрыто три церкви, религиозные общины сняты с регистрации» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.34). Тем не менее, уполномоченный с огорчением вынужден был отметить, что церковь «...продолжает оказывать большое влияние на верующих». В

качестве причин этого он видел «неудовлетворительное состояние в ряде городов и районов научно-атеистической пропаганды и слабый контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.30, 33).

Что касается материальной жизни церкви, то в научной литературе и ЦДООСО нам удалось обнаружить свидетельства об уровне материальной обеспеченности служителей культа в послевоенные годы в стране, в том числе на Урале и в Свердловской области. И, надо сказать, эта информация достаточно противоречива. С одной стороны, в литературе есть утверждения, что «В послевоенное десятилетие материальное положение сельских священников оставалось крайне тяжелым из-за высоких налогов и всевозможных поборов в пользу государства. Их доходы находились в пределах от 500 до 2 тыс. руб. в месяц и облагались налогом от 16 до 40 %. Хозяйства священников... привлекались к обязательным поставкам продуктов животноводства государству в порядке, установленном для единоличных крестьянских хозяйств... Городские священники находились в более выгодном положении. В крупных городах доходы духовенства колебались от 5 до 10 тыс. руб. в месяц и облагались налогом в размере 65 %. В мелких городах доходы духовенства составляли от 2 до 4 тыс. руб. в месяц и облагались налогом в 40–50 %. Подоходный налог епископата колебался в размере от 30 до 50 % от полученного дохода. Освобожден от налогов был только патриарх» (Марченко А.Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918–1957 годах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 108–109).

С другой стороны, А.Н.Марченко приводит ряд примеров просто непозволительно роскошной жизни отдельных священнослужителей на Урале. Так, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Челябинской области Салов в 1957 году сообщал в Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ): «Духовенство все больше приобретает собственные, причем роскошные дома, автомашины. Многие священники имеют в разных городах по несколько домов... Священник Буртасовский говорит, что каждый из нас живет лучше всякого директора». А уполномоченный по Пермской области Горбунов сообщал, что «Доходы церквей и ее служителей значительно больше, но церковники, как правило, не записывают все полностью получаемые ими доходы, содержат черные кассы, за счет которых сами обогащаются. Так, благочинный Перми Борис Попов своему сыну и дочери купил в Перми половину дома за 80 тыс. рублей» (Марченко А.Н. Указ. соч. С. 111).

Наконец, жаловались даже сами верующие, как это произошло в Челябинской области, где в обком партии пришло письмо с жалобой на местного священнослужителя. В письме говорилось буквально следующее: «Наш поп капиталист Иван Осьминин купил четыре дома. Первый дом в Троицке за 45 тыс. руб., второй в Миассе, сумма неизвестна, третий в Челябинске за 65 тыс. руб., четвертый в Челябинске за 72 тыс. руб. Все это приобретено в течение пяти лет. Архиерею в честь именин купил автомашину ЗИМ за 82 тыс. рублей» (Марченко А.Н. Указ. соч. С. 113).

В Свердловской области духовенство, судя по всему, тоже имело неплохие доходы. Так, в январе 1949 года, заведующий оргинструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) Бармасов сообщал в ЦК партии, что в 1945–1947 годах только за выполнение обрядов крещения, венчания и отпевания духовным лицам ежегодно доставалось от прихожан более 2 млн руб. А всего, например, в 1947 году было выполнено обрядов: крещения – 16 784, отпевания – 4 288 и венчания – 949). Далее в сообщении говорится, что «Духовенство области хорошо материально обеспечено. За счет доходов церквей для них приобретаются дома стоимостью 12–95 тыс. руб. За четыре года не было случая ухода из церкви кого-либо из служителей культа. Среди церковников ведется борьба за место при церкви. За это же время имело место шесть случаев перехода из советских учреждений в служители культа» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.45. Д.292. Л.185–186).

В уже цитированном нами докладе уполномоченный Бирючев обвинил управляющего Свердловской епархией Флавиана в недоплате налогов. Он написал об этом так: «...я вызвал епископа и сказал ему, чтобы он платил налог со всей суммы дохода, а если он этого не сделает, то придется разрешить финансовым органам сделать ревизию доходов епископа. После этого епископ исправил положение с налогом. Если раньше он получал 15 тыс. руб., а платил налог с 5 тыс., то после разговора с ним стал получать 10 тыс. руб. за управление Свердловской епархией и налог платит с 10 тыс.» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.36). Далее, говоря о доходах духовенства, Бирючев сообщал в Москву, что «В 1960 году доходы духовенства составили 2 млн 435 тыс. руб., а налог с этой суммы – 1 млн 088 тыс. руб. (то есть примерно 45 %. – В.М.)... Церковные доходы в 1958 году достигли максимального размера за весь послевоенный период, и за последние два года (1959 и 1960) не снижаются» (ЦДООСО. Ф.4. Оп.64. Д.113. Л.32).

Таким образом, в 1960 году каждый из 74 духовников Свердловской области в среднем имел чистый доход в сумме примерно 18 тыс. 200 руб. или около 1 500 руб. в месяц, что значительно превышало доходы большинства населения. И это, судя по всему, были только «официальные» доходы свердловского духовенства.